

В диссертационный совет Д 170.001.02, созданный на базе
федерального государственного казенного образовательного учреждения
высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»
123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15

О Т З Ы В

**на диссертацию Гаврилова Максима Александровича на тему
«Правопреемство в уголовном судопроизводстве России»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических
наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс**

Актуальность темы кандидатской диссертации Гаврилова М.А. не вызывает сомнений. В самом деле, проблематика процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве все еще остается на периферии научных исследований. В научных исследованиях освещались лишь отдельные вопросы, связанные с необходимостью продолжения производства по уголовному делу в отношении умершего обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в целях его реабилитации (п.4 ч.1 ст. 24 УПК РФ). Несколько шире рассматривались основания и условия «транзита» процессуальных прав от умершего потерпевшего к лицам, круг которых, в отличие от положений п.4 ч.1 ст. 24 УПК РФ, получил закрепление в ч.8 ст.42 УПК РФ с указанием обретаемого ими процессуального статуса потерпевших.

Однако само правопреемство как правовая основа вовлечения в производство по уголовному делу новых субъектов (в интересах умерших участников уголовного процесса и выбывших, если участниками были юридические лица), обуславливающая и оправдывающая сам факт изменения субъектного состава уже сложившихся уголовно-процессуальных отношений, оказалась недостаточно исследованной. Поскольку процессуальное правопреемство возможно лишь на основе материально-правового правопреемства, то вопрос о том, присуще ли правопреемство уголовному судопроизводству безусловно актуален в теоретическом аспекте.

Актуальность исследования правопреемства в уголовном судопроизводстве во многом обуславливается и скудостью его нормативного регулирования для случаев, когда ключевые участники уголовного процесса, т.е. обвиняемый и потерпевший умирают, а потерпевший – юридическое лицо ликвидируется или же реорганизуется.

Так, закон не уточняет, кем могут быть представлены лица, принимающие правопреемство в целях реабилитации умершего обвиняемого

(подозреваемого, подсудимого), каков процессуальный порядок вовлечения их в качестве правопреемников и нужно ли специальное обозначение их процессуального статуса в продолжаемом производстве по делу, какими процессуальными правами и обязанностями они должны наделяться.

Ничего не говорит закон и о правопреемстве ликвидированных и реорганизованных юридических лиц, признаваемых потерпевшими, гражданскими истцами и гражданскими ответчиками по уголовному делу. Отсюда вытекают и проблемы практического характера, связанные с замещением выбывших по объективным причинам участников, представляющих стороны уголовного процесса. Понятно, что в условиях отсутствия норм, регулирующих правопреемство, неизбежны отступления от требований состязательности и возникновение препятствий для достижения назначения уголовного судопроизводства (ст.6 УПК РФ), в том числе на доступ к правосудию и судебную защиту прав и законных интересов умерших лиц в той мере, в какой это возможно с участием правопреемников последних.

Если уголовная ответственность «не переживает» обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), то прижизненный интерес таких лиц в сохранении доброго имени, а также прижизненный интерес потерпевшего в восстановлении справедливости не перестают быть предметом правовой охраны, прирастая соответствующим интересом лиц, близких к умершим.

Потому вполне оправданной видится поставленная соискателем цель диссертационного исследования: «формулирование положений уголовно-процессуального законодательства, регулирующих порядок перехода процессуальных прав от умершего либо прекратившего существование участника процесса к новому участнику, а также введение в судопроизводство процедур, направленных на обеспечение судебной защиты чести, достоинства, доброго имени или деловой репутации умершего либо прекратившего существование участника процесса» (с. 9).

Понятно, что формулирование нормативных положений для более детального регулирования правопреемства в уголовном судопроизводстве требует серьезной теоретической основы, то есть разработки положений, обосновывающих, что категория «процессуальное правопреемство» не чужда уголовному процессу, осмысления правовой природы такого правопреемства, его роли в изменении и развитии уголовно-процессуальных правоотношений, определения процедуры процессуального правопреемства и особенностей последней применительно к тем или иным участникам уголовного судопроизводства, исходя из характера юридических фактов, обусловивших невозможность их участия в производстве по уголовному делу.

В этом плане соискатель предпринял **оригинальный научный подход** к исследованию правопреемства, а именно в свете его взаимосвязи со структурой и содержанием правоотношения, а также в призме соотношения уголовно-правовых (материально-правовых) и уголовно-процессуальных отношений, характеризующихся определенным субъектным составом. В этой связи соискатель не избежал обращения к одному из острых вопросов учения

об уголовно-правовых отношениях в части субъектного состава последних. Одним из базовых положений для его нормативной модели правопреемства предстает тезис о том, что потерпевший является субъектом уголовно-правовых отношений (с.34, 84-86). Это ключевое утверждение, поскольку бессмысленно рассуждать о процессуальном правопреемстве без признания наличия материально-правового правопреемства. Отсюда, соответственно, вытекает «революционный» вывод о том, что с «переходом прав от одного лица к другому в материальном уголовном правоотношении происходит переход прав в уголовно-процессуальном правоотношении, возникшем на основе данного материального уголовного правоотношения» (с.35-40). Иными словами, соискатель подчеркивает производность уголовно-процессуального правоотношения от возникшего материального, уголовно-правового отношения, что, по сути, означает и признание материально-правового правопреемства, которое предшествует процессуальному правопреемству.

Обстоятельно проанализировав правопреемство по нормам гражданско-процессуального законодательства, арбитражно-процессуального законодательства, законодательства об административном судопроизводстве, и понятно, рассмотрев нормы УПК РФ, содержащие, по мнению соискателя, отдельные элементы института правопреемства, он приходит к значимым **результатам** – выводам и положениям, характеризующимися **научной новизной**: о понятии института процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве и необходимости его правового закрепления (Положение 1.- с. 12, с. 40); о самом понятии процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве, его сингулярном (частичном) виде (с.54); о признаках уголовно-процессуального правопреемства (с.41-42), содержание которых, предстает в работе в качестве опорных элементов предложенной им **новой** нормативной модели процедуры производства по уголовному делу с участием правопреемников.

В развитие идеи генерирования института правопреемства и одновременно наполнения соответствующими положениями авторской нормативной модели процедуры производства по уголовному делу с участием правопреемников соискатель, кроме отмеченного, сформулировал **новые научные** выводы и предложения по целому ряду проблемных вопросов как теоретического, так и законодательного характера, а именно: о возможности применения по аналогии положений ст. 42 УПК РФ, регламентирующих правопреемство потерпевшего, к случаям смерти обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного) с наделением правопреемника последнего теми же процессуальными правами и обязанностями, которыми по своему статусу обладал или мог обладать его правопреемник, за исключением неотъемлемых прав и обязанностей личности (с.60); об определении круга лиц, к которым могут перейти права скончавшегося подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного) с отнесением к таковым субъектам не только близких родственников и родственников умершего, но и иных заинтересованных физических или юридических лиц при

наличии их мотивированного ходатайства (с.67-69); об едином процессуальном статусе таких лиц - «правопреемник обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного)» (с.60, 70); о перечне прав, неотделимых от личности умершего, и потому не охватываемых правопреемством (с.73-74); о возможности правопреемства в случаях, когда фактически преследуемое лицо до наступления смерти не было наделено процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого (с.75); о понятии правопреемника обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного) и порядке наделения его таким статусом (Положение 3.- с. 13; с.76-77).

С позиции выработанных соискателем положений о существовании процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве также **новаторским** видится его понимание процессуального статуса лиц, вступающих в процесс после смерти потерпевшего в порядке ч.8 ст.42 УПК РФ. Соискатель полагает, что по своей правовой природе таковые участники являются именно правопреемниками потерпевшего (Положение 8.- с. 15; с.84), при этом не исключает правопреемства потерпевшего-физического лица юридическим лицом (с.91).

Как уже отмечалось выше, соискатель такое правопреемство рассматривает как материально-правовое, считая потерпевшего от преступления субъектом уголовно-правового отношения (с. 84-86). В логике соискателя материально-правовое правопреемство обуславливает собой и уголовно-процессуальное правопреемство постольку, поскольку личный интерес в уголовном деле умершего потерпевшего преобразуется в интерес правопреемника в том, чтобы добиться восстановления социальной справедливости путем привлечения виновного к уголовной ответственности (с.89).

Собственно, как следует из рассуждений соискателя, наличие интереса у правопреемника – один из признаков уголовно-процессуального правопреемства и сама причина вовлечения правопреемника, как нового участника, в уголовное судопроизводство (с.91, 168). В **новизне** такого подхода к объяснению правопреемства потерпевшего – физического лица отказать нельзя.

Интересными и характеризующимися **научной новизной** предстают выводы и предложения соискателя о дополнении УПК РФ нормами, регламентирующими основания, условия, порядок перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам (с.93); о наделении правопреемника скончавшегося потерпевшего (частного обвинителя) всеми процессуальными правами правопреемника, за исключением прав, тесно связанных с личностью, и права на примирение (с.104).

Безусловной **научной новизной** характеризуются предложения соискателя о правопреемстве потерпевших-юридических лиц. В работе обосновано отмечается, что в УПК РФ нет норм, определенно регулирующих правопреемство юридических лиц, как участников уголовного процесса в

качестве потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков. Восполнение такого пробела, по мнению соискателя, возможно с помощью ресурса института процессуального правопреемства (с.113). При этом в работе отмечаются сложности, возникающие с определением правопреемников ликвидированного или реорганизованного юридического лица – потерпевшего (с.121-130). В связи с чем соискатель предлагает дополнить ст. 42 УПК РФ **новыми** положениями, определяющими правопреемника для потерпевшего – юридического лица в случае ликвидации и реорганизаций последнего, порядок вовлечения правопреемника в уголовный процесс (с.127-128, 133). В целом предложения о дополнении и изменении норм УПК РФ, касающихся рассмотренных вопросов, представлены соискателем как в разделах диссертации, так и в Приложении 2 (с.209-214).

Введение в производство по уголовному делу правопреемника предполагает продолжение процессуальной деятельности без правопреемника и, следовательно, означает изменение не только уголовно-процессуальных отношений, но и пополнение сложившегося круга процессуальных решений новыми видами, принимаемыми на стадиях досудебного и судебного производств с участием правопреемников лица. В этом аспекте любопытны отличающиеся **новизной** предложения: о вынесении субъектами, ведущими уголовный процесс, постановления (определения) о признании лица правопреемником – потерпевшего (Положение 9-с. 16; с. 165), о признании лица правопреемником – обвиняемого (Положение 3- с. 13); о возможности постановления оправдательного приговора в отношении умершего лица в случае признания невиновности умершего лица (с.156, 158), о предоставлении прокурору полномочия по отмене любых незаконных решений следователя, в том числе о привлечении лица в качестве правопреемника, и иных решений, связанных с участием в деле правопреемников (с.182).

Все перечисленные выводы и положения интегрируются в **новый научный результат** исследования (заданный его целью и задачами), а именно образуют каркас предложенного соискателем института правопреемства в уголовном судопроизводстве и наполняют содержанием предложенную им нормативную модель процедуры производства по уголовному делу с участием правопреемников.

Теоретическая и практическая значимость исследования не вызывает сомнения. Выводы и предложения, а также изложенные для их обоснования рассуждения соискателя можно также рассматривать как приращение новыми знаниями учения о субъектах уголовного процесса, учения об юридических фактах в уголовном процессе и учения об уголовно-процессуальных правоотношениях.

В целом изучение диссертации убеждает в высокой степени **обоснованности, достоверности и новизне** сформулированных теоретических положений и выводов, а также большинства рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Обоснованность и достоверность научных результатов, полученных М.А. Гавриловым, обеспечена: методологией исследования, широким кругом проанализированных нормативно-правовых актов, в том числе правовых позиций ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, норм уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных государств – участников СНГ; изученными теоретическими источниками; достаточной эмпирической базой – статистическими данными, материалами правоприменительной практики, результатами анкетного опроса практических работников по проблемным вопросам, связанным с реализацией правопреемства.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию. Автореферат диссертации адекватно отражает главные идеи и выводы автора. В нем показаны личный вклад автора в проведенное исследование, степень новизны, практической значимости и достоверности приведенных результатов исследования, содержатся сведения об организации, в которой выполнялась диссертация, об оппонентах и ведущей организации, о научном руководителе, приведен список публикаций автора диссертации, с отражением основных научных результатов. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Структура и правила оформления текста диссертации и автореферата соответствует предъявляемым требованиям

Вместе с тем, несмотря на наличие аргументированных выводов, положений и предложений, работа, как результат любого творческого труда, содержит положения, по которым могут быть высказаны следующие замечания:

1. Соискатель предлагает дополнить УПК РФ нормой, обязывающей субъекта, ведущего уголовный процесс, в случае смерти лица, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу, незамедлительно уведомлять лиц, которые могут стать правопреемниками (Положение № 4-с.13-14). При этом соискатель ничего не говорит о сроке, в течение которого уведомленные заинтересованные лица должны явиться к субъекту, ведущему уголовный процесс. Кроме того, из проектируемого соискателем п.4 ч. 1 статьи 24 УПК РФ вытекает, что прекращение возможно и без согласия правопреемников, поскольку сам соискатель указывает на право последних обжаловать решение о прекращении уголовного преследования (Приложение 2.- с. 210). Получается, что следователь (дознатель), уведомив заинтересованных лиц, все равно выносит постановление о прекращении? Вопрос: зачем тогда уведомлять? Тут есть несогласованность в предлагаемых нормах.

2. В работе предлагается исключить из оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, смерть лица, в отношении которого проводится проверка по сообщению о преступлении. Соответственно, по мысли соискателя, необходимо будет возбуждать уголовное дело, если материал проверки содержит данные о наличии признаков состава преступления в действиях (бездействии) скончавшегося лица (Положение №5-с.14; с.148, 196). Вряд ли этот путь

рационален: положения закона должны быть гибче, допуская и отказ от возбуждения уголовного дела, и прекращение уголовного преследования в зависимости от позиции правопреемников, заявленной на любом этапе. В любом случае за ними остается неизменным право обжалования процессуального решения.

3. Соискатель допускает вынесение в отношении умершего лица постановления о привлечении в качестве обвиняемого и уведомления о подозрении с объявлением их содержания правопреемнику, с вручением последнему их копии (Положение №7-с. 15; с.151, 196-197). Между тем, таковые решения суть акты применения норм уголовного закона и в этом качестве носят (как любые правоприменительные акты) индивидуально-определенный характер: в них лицо, подлежащее уголовной ответственности, персонифицировано, определено как субъект основного материально-правового отношения (для индивидуализации ответственности), которое именно по этой причине наделяется статусом обвиняемого, подозреваемого. Для умершего лица нельзя индивидуализировать ответственность и оно, соответственно, не может быть наделено указанным статусом. В связи с этим, следует пояснить и обосновать саму возможность постановления такого процессуального решений. Полагаю, что название и форма такого решения должны быть изменены в части его адресности. Предлагаемое соискателем производство – дифференцированное по признаку введения нового участника (правопреемника), соответственно, можно допустить введение новых видов правоприменительных процессуальных решений.

4. Как видится, соискатель на с.102-103 допускает, что на правопреемника частного обвинителя может быть возложена обязанность по возмещению вреда, причиненного подсудимому в результате необоснованного частного обвинения (в случае смерти частного обвинителя-потерпевшего). Вряд ли это бесспорный вывод, поскольку речь идет об обязательстве, неразрывно связанного с личностью умершего частного обвинителя (по аналогии с составом наследства). Такого рода обязательство в принципе прекращается с его смертью (ст. 418 ГК РФ). И даже если и допустить, что такое обязательство возникает для живого частного обвинителя, то все равно частный обвинитель не может быть приравнен к государству в вопросе возмещения вреда за случившееся незаконное уголовное преследование

Высказанные замечания касаются, безусловно, дискуссионных вопросов, не ставят под сомнение обоснованность остальных выводов и предложений соискателя и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Диссертация М.А. Гаврилова является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющее значение для развития науки уголовного процесса, а внедрение ее результатов в практику **имеет существенное значение** для совершенствования уголовного судопроизводства.

Диссертация обладает внутренним единством, содержит **новые научные результаты и положения**, которые свидетельствуют о **личном вкладе** соискателя в науку. Решения по поставленным автором проблемам **аргументированы и оценены** по сравнению с другими известными решениями.

Кандидатская диссертация на тему «Правопреемство в уголовном судопроизводстве России» по своему содержанию и форме соответствует критериям, содержащимся в Разделе II «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. Постановления Правительства РФ от 11.09.2021 №1539), является единолично выполненным и завершенным исследованием, а его автор - **Гаврилов Максим Александрович** - заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления (филиала)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
доктор юридических наук (научная специальность:
12.00.09 - уголовный процесс; криминалистика;
оперативно-розыскная деятельность), профессор
Мадина Таукеновна Аширбекова

12 мая 2022 г.

Служебный адрес: ул. Гагарина, 8, г. Волгоград, 400131. Тел.: 8 - (8442) - 24-17-39. e-mail: ugovlov-crim@vlgr.ranepa.ru

